

Ну какая там Керн! Кто знает у нас Ольгу Керн? Московский меломан помнит 17-летнюю Олечку Пушечникову, которая 8 лет назад сенсационно получила первую премию на Первом международном конкурсе имени Рахманинова. Хохотушка была ужасная. А теперь вот она уже и аспирантуру Московской консерватории закончила — только совсем мы ее не видим, не слышим про нее ничего. Все она где-то там играет, далеко-далеко. И вдруг донесся слух — первая премия на престижнейшем конкурсе имени Вана Клайберна в Форт-Уорте. Победительница ненадолго приехала в Москву.

— Оля, чего это вы вдруг из Пушечниковой превратились в Керн? Не трудно ль жить с такой фамилией? Все-таки «Я помню чудное мгновенье», наше все, и все такое...

— Вы даже представить себе не можете, насколько легко мне стало дышать за границей с переменной фамилией! Потому что раньше ни один человек не мог ее выговорить. Керн — это фамилия бабушки по маминной линии. Ну и ладно, что была такая Анна Керн — так ее в мире никто не знает. А вот фамилию эту в Америке просто обожают. Во-первых, за краткость. Во-вторых — все-таки потому, что Керн у них — очень знаменитый композитор. (Самая его известная джазовая композиция — «Дым»). — Н.З.). Только они произносят, конечно, не «Керн», а «Кёрн».

— Вот вы, Оля, такая молодая, красивая, веселая. А работа у вас тяжелая, бесконечная. Никогда не возникает ощущения каторги?

— Нет. Потому что всю свою жизнь, начиная с внутриутробного состояния, я провела, слушая музыку. У меня же мало того, что родите-

ли музыканты. Так еще и прабабушка, и прапрабабушка...

— Но все же есть расхожее мнение, что рояль — дело не женское. Какие примеры, кроме вас самой, это опровергают?

— Марта Аргерих. Она даст фору всем мужчинам! Она сидела в жюри нескольких конкурсов, в которых я участвовала, и очень меня любит, что страшно приятно. А вообще я считаю, что у женщин-музыкантов больше преимуществ перед мужчинами. Женская душа гораздо больше подходит для музыки. Если при этом я научена играть не хуже мужчины и не уступаю ему в физической выносливости — разве у меня не преимущество?

— Пианисты во время концерта теряют в весе?

— После конкурса — всегда. И после каждого Концерта Рахманинова килограмм я теряю точно.

— Самый известный в музыкальном мире из Пушечниковых — это дедушка ваш, Иван Федорович.

— Его знает в основном мир духовников. Он всю жизнь посвятил педагогике, написал столько упражне-

ний, этюдов для гобоя, у него тучи учеников. Но он все-таки не такой знаменитый, как его мать, Вера Пушечникова. Это была замечательнейшая певица, меццо-сопрано. Один раз, когда Рахманинов курировал училища и принимал экзамены по России, моя прабабушка выступила с ним в Казани, он ей аккомпанировал. Сохранились документальные свидетельства, программа концерта — дед вообще хранит все ее программы. А я поэтому каждый год езжу в Казань на день рождения Рахманинова и даю там концерт в новом зале на месте Благородного собрания, где они выступали. А с моей прапрабабушкой Пелагеей Софроновной дружил Чайковский: она была пианистка, первая исполнительница его «Думки». Папа у меня пианист, работает в Большом театре. И мама пианистка, преподает в Гнесинской академии. Брат, Володя Пушечников, в Большом играет на трубе, но он еще и дирижер.

— Раз родители пианисты, понятно, что в детстве они вас в ЦМШ отдали, и не к кому-нибудь, а в класс Евгения Михайловича Тимакина. Как вы думаете, почему Тимакин настолько в тени?

Ольга КЕРН: КЛАЙБЕРН КОРМИЛ МЕНЯ С ЛОЖЕЧКИ

Встр. Купф.
— 2008,
— 20
молд,
— с. 13

— У него учились Михаил Плетнев, Иво Погорелич, Катя Новицкая, Владимир Фельцман. Конечно, родители знали, что лучше Тимакина никого быть не может. Он гений, у него просто такой несаморекламный склад.

— Куда вы девались после рахманиновского конкурса? Сразу пошли на расхват?

— Только Третий концерт Рахманинова я сыграла тогда подряд раз сто со всеми лучшими оркестрами. И поехала по конкурсам...

— По каким еще конкурсам?! Было еще что-то между конкурсом Рахманинова и конкурсом Клайберна?

— Ой, что вы, я их столько объездила... Я лауреат одиннадцати конкурсов.

— Даже смешно звучит. Зачем вам столько? Солить?

— Это самый удобный вариант показать себя на международной арене. Конкурс Клайберна я выбрала как очень весомый, чтобы уже совсем закончить с этим делом.

— Вы легко контактируете с дирижером?

— На конкурсе мне, конечно, очень повезло — я выступала с главным дирижером Парижской оперы Джеймсом Конлоном. Как мы с ним играли концерт Моцарта! Мы делали что хотели. Какая в Моцарте была вторая часть! Он ведь что придумал? Чтобы во второй части играл не весь оркестр, а квинтет струнных: давай, говорит, попробуем? Причем сам на репетиции даже за пульт не встал, а спустился в зал и слушал, наслаждался музыкой. Супер! По моему, меня и оркестр полюбил... Может, неспроста мне повезло. Вмешалась какая-то числовая мистика. Вот смотрите. У меня по жеребьевке был номер 29. По нумерологии два плюс девять — это одиннадцать. Первый тур я играла 29 мая. А на втором туре я играла одиннадцать по счету. Закончился конкурс 11 июня.

— Видели ли вы Клайберна? Имел ли он какое-то влияние на присуждение премий?

— Никакого. Но он ходил, слушал все туры, явно выбирал собственных фаворитов. Я свое выступление на конкурсе начала Второй сонатой Рахманинова — после нее все в зале встали и начали орать как ненормальные; говорят, здесь давно такого не было. И потом после каждой пьесы вставали и орали. Клайберн ко мне подошел после первого тура и сказал: «Фантастика!» Конечно, это высшая похвала.

— Вам довелось еще с ним пообщаться?

— Он пригласил меня в гости. Но сначала мы поужинали в его любимом итальянском ресторане. Он каждый вечер там ужинает, и ему без слов подают его любимые блюда. Я попробовала все! Он мне даже свой любимый супчик дал попробовать на ложечке из своей тарелочки. Страшно вкусная такая рыба. Он сказал, что любит этот ресторан, потому что там бульон — типично русский. И из-за этого бульона он там себя чувствует немножко как в России. Какой же он интересный человек! И у него такой красивый баритон — сидишь и млеешь.

— А как выглядит его дом, можете рассказать?

— Это изумительный особняк, полный музейных ценностей. У него стоит семь или восемь концертных роялей. Один из них — рояль Горюхи. Клайберн его даже не настраивает, считает, что это драгоценность.

— Вы ему что-нибудь поиграли?

— «Музыкальную табакерку» Лядова, мелкие всякие пьески.

— Не видели ли вы Алексея Султанова, победителя клайберновского конкурса 1989 года? Он ведь там, в Форт-Уорте, и остался жить. А сейчас очень болен.

— Я хотела его повидать, но меня не пустили. У него паралич после инсульта. Это последствия нашей нервной жизни.

— Вы в Москву надолго?

— Сына повидать — он живет у моих родителей, потому что у меня же сплошные концерты. Его зовут Владислав, в августе три годика будет. Музыку любит. Говорит мне: «Уйди из-за рояля, ты очень громко играешь. Я тебе покажу, как надо играть». И начинает так мягко, нежно, по одной нотке трогать инструмент. А у нас в квартире четыре кошки — тайские бобтейлы. «Посмотри, — он говорит, — кошки сидят и очень внимательно слушают, когда я играю. А когда ты играешь — они все по разным углам! Надо ведь играть так, чтобы кошкам понравилось».

— Как вам кажется, пианисты оплачиваются все выше?

— В Америке, например, музыкальный мир оплачивается не просто хорошо, а очень хорошо. Не говоря уже о Японии. В Европе немножко похуже.

— Что обязательно в костюме пианистки, ради комфорта и ради красоты? Играть ли теперь женщины в брюках? Не мешают ли кольца? Я замечала, что некоторые пианисты ухитряются играть с обручальным кольцом.

— У Рахманинова бывало, что после гениального концерта его иногда спрашивали, где он достал такой чудный фрак — а об игре ни слова... Нет, очень важно, как себя преподнести. Тем более в наше время, когда все друг перед другом только и делают что себя преподносят. Кстати, на этом конкурсе в Америке действовало правило: на каждом туре играть в разных платьях. Требовалось продемонстрировать, как ты красиво выглядишь и какая у тебя хорошая фигура. Слава Богу, я захватила с собой три платья. В Америке любят, чтобы артистка была в длинном и открытом. Практически все женщины так и играют. Но кое-кто играет и в брюках. А я не люблю — это не мой стиль. В жизни я всегда хожу в джинсах, но на сцене в брюках чувствую себя некомфортно. Хотя если играть в квартете или квинтете — можно и в брюках. А вот в кольцах я совсем не могу — очень мешают.

— Значит, вы здесь все-таки бываете. А почему практически не выступаете?

— Последние три года были сплошные конкурсы и протекающие из них контрактные концерты.

Но не сказала бы, чтобы меня здесь сильно ждали или особо звали. Не приглашают — и все. Говорят: «У нас нет возможностей». Я числилась солисткой филармонии, но из последнего разговора там поняла, что они как-то не очень во мне заинтересованы. Сказали, чтоб забирала трудовую книжку. Обидно: и это после победы на таком-то конкурсе! А я, наивная, думала, меня на руках тут носить будут.

— Можно подумать, в филармонии гений на гении сидит... А кстати, кто из наших пианистов, на ваш взгляд, высоко котируется за рубежом?

— Плетнев. Луганский.

— А кто ваш кумир?

— Определенно Рахманинов.

— Это правда, что его записи,

которые мы по пластинкам знаем с шипами и сипами, теперь совершенно очищены от шумов?

— У меня-то дома еще те, старые. Но я собираюсь покупать отреставрированные записи — говорят, это просто феноменально сделано.

(Тут у бывшей Пушечниковой звонит мобильник, но не просто, а играет «Полет шмеля» Римского-Корсакова.)

— Вот трудная вещь в обработке Рахманинова, если очень быстро играть.

— Ой, я быстро могу. Рахманинов за 59 секунд играл...

— А вы?

— (Хохочет.) А я могу за 54-55!

Вы это не пишите, это же анекдот просто.

— Сейчас вы после Москвы куда?

— В августе в Америку. Потом Европа. В декабре точно приеду — в конце месяца сыграю концерт в зале Чайковского.

— Оля, а у нас тут только что прошел кинофестиваль, и к концу привезли знаменитый фильм «Пианистка», который победил в Каннах. Там главная героиня строго блюдет все тонкости Шуберта и особенно Шумана. А потом оказывается садисткой. И не в переносном смысле слова. Музыканты часто бывают садистами?

— Музыканты почти все сумасшедшие! С кем ни дружу — все повернутые. Но я в жизни не видела, чтобы хороший пианист вдруг был бы садистом.

— Я-то в этой героине, честно говоря, узнала парочку своих знакомых из артистического мира.

— Ругаются музыканты — это да, и пьют, и чего только не делают. Я, правда, без этого живу прекрасненько. И мой брат, и мои родители. Ну, наверное, у кого-то потребность излить свои комплексы. Только что Шопена играл — а в артистической выругался. Может быть, это такое ухарство, мол, все я в этой жизни постиг, все понимаю... Но, уверяю вас, музыканты абсолютно ничего, ну ничегошеньки в жизни не понимают.

Встречалась
Наталья ЗИМЯНИНА